

Юлия Куклина

Лиля

Любовный роман

Юлия Куклина

Лиля. Любовный роман

«Издательские решения»

Куклина Ю. А.

Лиля. Любовный роман / Ю. А. Куклина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837458-6

В 1985 году Лиля переживает жизненную драму. Заочно, героиня влюбляется молодого профессора, но выходит замуж за другого. По примеру матери, Лиля заполняет душевную пустоту, алкоголем. Семья окончательно распадается. Наступают тяжелые девяностые, и героиня попадает в трудную жизненную ситуацию. Она оказывается на самом дне жизни, среди людей без определенного места жительства. Потеряв все в России, в чужой стране, она получает: любовь, семью, любимую работу, заплатив слишком высокую цену.

ISBN 978-5-44-837458-6

© Куклина Ю. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Кедровск. март 1985 года	6
Глава 2. Н – ск. Июль 1985 года	13
Глава 3. Н – ск. сентябрь – декабрь 1985 года	20
Глава 4. Н – ск. февраль 1986 года	26
Глава 5. Н – ск. июль – декабрь 1986 года	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лиля

Любовный роман

Юлия Александровна Куклина

*Успех, приходит незаметно,
Как будто с неба дождь упал.
Как долго этого ты ждал!
Когда же все произошло,
Вокруг, все сразу изменилось.
Запели ангелы кругом,
И время, вдруг остановилось.
Потом. пошло, пошло. пошло,
Но в измерении, другом.
Автор неизвестен.*

© Юлия Александровна Куклина, 2017

ISBN 978-5-4483-7458-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Кедровск. март 1985 года

Город Кедровск, затерянный в глухой сибирской тайге, был основан в семнадцатом веке староверами.

Основного закона развития общества – движения вперед, для них как бы ни существовало. Староверы умудрялись сохранять себя и свою общину в глубокой изоляции, благодаря религиозным догмам, подогнанным под патриархальный строй общины. Мозги членов общины были настолько заняты ежедневными молитвами, что думать о чем-то другом, просто не получалось. Строгое соблюдение нравственных норм, наложило отпечаток на воспитание последующих поколений, и современные жители Кедровска, поголовно были трезвенниками. Также в городке почти не было разводов – семейные пары жили на редкость дружно.

Потомков староверов, живших в Кедровске в 1985 году, насчитывалось около шестидесяти тысяч человек. Градообразующими предприятиями были леспромхоз и завод по обработке древесины – там работало почти все взрослое население Кедровска. Добраться до города можно было только по железной дороге, собственно город начинался с железнодорожного вокзала, здание которого было построено в восемнадцатом веке. Возле автобусной остановки дежурили чистенькие «ПАЗики» с занавесочками на окнах. Как только сидячие места заполнялись, автобус отъезжал по одному из трех городских маршрутов. Все они проходили через центральную улицу Мира, которая в основном состояла из старообрядческих добротных изб, украшенных резьбой по дереву. Серый, каменный двухэтажный дом, занимал городской комитет коммунистической партии, вокруг которого гордо высились дома, времен сталинской застройки. Их населяли, сменявшие друг друга, первые и вторые секретари коммунистической партии города, с многочисленными родственниками, и руководители леспромхоза. Эти кланы были «скованы одной цепью», дружили только друг с другом и браки заключали в своей среде.

Такие прочные связи объяснялись просто. Лес, добываемый в окрестностях Кедровска, отправлялся в другие страны. В Советском Союзе ему почти не находили применения. Зато Япония, Китай и Европа с радостью покупали обработанную древесину. Рассчитывались с нами даже не деньгами: Япония – бытовой аппаратурой, Китай – пуховиками, Европа – обувью и мебелью, сделанной из нашего сырья. В нищей советской стране, зарубежный ширпотреб был дороже совести. На перепродаже этих товаров начальники леспромхоза вместе с чиновниками делали огромные деньги, но и простым людям доставалось. Это, видно было по тому, как одевались жители Кедровска, по количеству детей в семьях и количеству «Жигулей» на дорогах. Сытый и самодостаточный был город Кедровск.

Напротив городского комитета, располагался старинный, двухэтажный, очень красивый особняк золотопромышленника Якубовского жившего в девятнадцатом веке, там размещалась городская библиотека – особенная гордость жителей Кедровска. Библиотека вмещала более двухсот тысяч томов. В ней было не только книгохранилище и читальный зал, там был кинозал со сценой, где игрались любительские спектакли. Там же был размещен городской музей с многочисленными фотографиями, известных в городе людей и их личными вещами. Все взрослое население города было записано в библиотеку, и пользовалось ею регулярно. Как только маленький житель Кедровска поступал в первый класс, ему торжественно вручали читательский билет. И малыш им начинал пользоваться, как только осваивал букварь.

Далее, по центральной улице стояли двухэтажные деревянные дома, построенные вскоре после революции комсомольцами, основателями леспромхоза. Кое-где проглядывали кирпичные «хрущевки», в одной из которых находилась средняя школа №5, где в десятом классе учится героиня этой истории.

Было начало марта 1985 года. Солнце уже светило ярко, небо было синее и прозрачное, кое-где с крыш, падала первая капель. В школе шумела большая перемена, потом раздался звонок, и постепенно школа затихла, начались занятия. В десятом классе «А», шел урок литературы. Вела его классный руководитель Галина Петровна Бунина, немолодая худенькая изящная женщина, с пышными волосами, уложенными в высокую, замысловатую прическу.

– Сочинение все написали неплохо, тему раскрыли, грамматических ошибок немного, в целом класс к выпускным экзаменам готов. – Подвела она итог. – Лучшее сочинение как всегда у Лили Сергеевой. Лиля после урока останься, мне нужно с тобой поговорить.

Лиля, невысокая девушка с очень светлыми волнистыми волосами и голубыми добрыми глазами, улыбаясь, смотрела в окно. Там на ветке дрались воробьи, и Лиля мысленно пыталась перенести на бумагу рассказ об этом поединке. Так она практически постоянно мысленно что-нибудь писала. Больше всего на свете, Лиля любила читать книги и писать рассказы. Она перечитала в городской библиотеке все, включая специальную литературу и журналы, потом начала все перечитывать заново. Писала она легко и грамотно, о чем угодно, на любую тему. Мысли переносились на бумагу, обретая реальную, свою неповторимую жизнь. Лиле это восхищало. Как ребенок рождается, непохожим на других, так и литературные произведения, выходят из-под пера автора, непохожими на миллионы других.

Урок закончился, и Лиля подошла Галине Петровне. Та, отпустив других учеников, сказала:

– Я отправляла твое сочинение по творчеству Пушкина, на конкурс в педагогический институт в Н – ск. Поздравляю, ты заняла первое место. Ты можешь сдать только один экзамен: обществоведение, и будешь зачислена на филологический факультет.

– Ура – А – А! – запрыгала Лиля и бросилась обнимать учительницу. – Я буду учиться в Н – ске! Учиться тому, что я люблю больше жизни! Галина Петровна вы..., вы..., у меня не слов!

– Все, все, беги домой, поделись радостью с бабушкой, у меня еще столько дел, – Галина Петровна отвернулась, чтобы скрыть непрошеные слезы радости за ученицу.

Лиля помчалась в раздевалку, быстро переоделась, покрутилась перед зеркалом и выбежала на улицу. На крыльце ее ждала подруга Вика. Та конечно сгорала от любопытства, зачем классная оставляла Лиле? Пока они шли домой, Вика пыталась разговорить подругу, по интересующему ее вопросу. Но Лиля говорила о чем угодно только не об этом. Она не хотела посеять зависть в сердце лучшей подруги. Все выпускники школ Кедровска, мечтали уехать из родного, но такого скучного города, в Москву, Ленинград, или хотя бы в областной центр город Н – ск. Мечта, поступить в ВУЗ, в каком –нибудь из этих городов, была еще более заоблачной. Конкурс был огромный, поступали или действительно гениальные дети, или те, у кого были протекции. Так и не добившись желаемого, Вика свернула на свою улицу, а Лиля побежала к своему дому.

Брусовой, двухэтажный дом, на четыре квартиры, был высоким и добротным. Подъезд чисто выбелен, лестницы и перила покрашены, пол всегда вымыт. Лиля поднялась на второй этаж и открыла дверь в квартиру, где они жили вдвоем с бабушкой. Ее поразил неприятный, незнакомый запах. Возле порога стояли стоптанные женские сапоги, на вешалке висело грязное пальто неопределенного пола. Лиля прошла на кухню. Бабушка сидела возле стола на стуле, вид у нее был растерянный. На другом стуле сидела женщина, вид у нее был ужасный. Грязная одежда, опухшее лицо, под глазом синяк, Лиля вскрикнула, узнав в женщине свою мать.

Родители Лили, были танцорами в знаменитом на весь мир ансамбле песни и пляски. Мама Тамара, начала работать в ансамбле, сразу после окончания балетного училища в Н – ске. Папа Алексей Родионович, был старше мамы на десять лет, и когда она пришла в ансамбль, был там солистом. Родители полюбили друг друга, поженились, и вскоре роди-

лась Лиля, которую в возрасте четырех месяцев от роду, привезли к бабушке Евдокии, там ее и оставили, а родители включились в плотный гастрольный график. С тех пор Лиля жила у бабушки.

– Лиля, случилась беда. – Бабушка тяжело выговаривала слова. – Твой папа расстался с твоей мамой и у него теперь другая семья. Мама будет жить у нас.

Лиля не узнавала бабушку, у нее было такое лицо, как будто ее предупредили о возможном взрыве бытового газа в их доме. Хотя она должна была бы радоваться: приехала дочь, столько не виделись, ну разошлась с мужем, всякое бывает. Зато у мамы вид был довольный. Она переводила взгляд с предметов кухонной утвари на мать, потом на Лилю и первой нарушила молчание:

– Мама у тебя есть выпить? Налей!

– Сейчас? Зачем? – бабушка растерянно смотрела на дочь.

– Да сейчас. У тебя есть? Мама я попала в страшную переделку, стресс нужно снять. Ну, давай неси!

Бабушка пошла в свою комнату, где у нее хранились запасы самогона. Его, привезла из деревни, сестра бабушки, Мария, несколько лет назад. Непьющая бабушка сказала: «пусть стоит, так на всякий случай». Случай, заставил себя ждать, долго. Загремела защелка сундука и Тамара, подскочив к двери, в щелку смотрела, откуда бабушка достает самогон. При этом взгляд и поза у нее были, маленькой избалованной девочки, хотя внешний вид вызывал отвращение.

Бабушка вынесла стаканчик и поставила его на стол. Тамара, тут же за него взялась рукой.

– Тамара, поставь. Дай хоть закуску тебе приготовлю. Ты когда последний раз ела? – Евдокия доставала из холодильника селедку и огурцы.

– Давно я ела и есть не хочу. Выпить хочу, за ваше здоровье. – Тамара одним глотком осушила стаканчик. На лице ее появился румянец и она запела:

– У церкви стояла карета...

Лиля не слышала, что она поет. Она смотрела на женщину и не верила, что та ее мать. Она впервые в жизни видела, чтобы женщина пила самогон как воду. Таких дам в их городе не было. Ей стало стыдно, стыдно за родную мать. Зачем, зачем отец ее бросил?

Родители объехали весь мир. Постоянным местом их жительства считалась комната в общежитии в Москве. Но там они бывали редко, гастролируя по странам и континентам. В отпуск они, всегда, ненадолго приезжали в Кедровск. Привозили Лиле и бабушке подарки: одежду, обувь, игрушки, посуду. Все заграничное, красивое, добротное. Лиля одевалась очень хорошо, даже по меркам их города, где импортными вещами никого нельзя было удивить. Дочь гордилась родителями, всегда красивыми и элегантными. Поэтому, сейчас, глядя на опустившуюся мать, она не хотела верить своим глазам.

А мать тем временем, уже надевала сапоги и застегивала издавшее виды пальто.

– Ты куда Тамара? – Бабушка взяла ее за руку.

– Сейчас приду. – Тамара вырвалась и вывалилась наружу.

Бабушка, с Лилей молча, смотрели друг на друга. Предчувствие их не обмануло: на улице раздалось громкое пение. Быстро одевшись, они вышли на улицу, там Тамара давала концерт. Она плясала, профессионально задирая ноги, и пела, громким, хорошо поставленным, голосом. Вокруг собралась уже приличная толпа зрителей, что и требовалось «актрисе».

– А ну прекрати орать, – из окна высунулась хорошенькая жена нового участкового, – у меня ребенок спит!

Все знали крутой нрав Валентины. Она не кому не давала спуска, даже собственный муж ее боялся. Но Тамара была в ударе. Она продолжала прыгать и дрыгать ногами, во весь

голос, распевая частушки. Хлопнула дверь, и слышались быстрые шаги, в толпе слышался смех, все приготовились к зрелищу. Из подъезда выскочила Валентина, в руках у нее была плоская палка для выколачивания ковров. Этой палкой она стала лупить Тамару, вытаскивая ее за шкуру из двора. Тамара сначала сопротивлялась, а потом смирилась с участью, замолчала и, оказавшись за территорией двора, села в сугроб.

Бабушка с Лилей вышли на улицу. Тамара сидела в сугробе, мотая головой. Они взяли ее под руки, и повели в дом. Во дворе еще стояли собравшиеся люди.

– Вы куда ее ведете? – Валентина стояла перед ними «руки в боки»

– Валя, прости, но это дочь моя, домой я ее веду, – сказала бабушка, чуть не плача.

– До – о – чь? – Глаза у Валентины округлились. – Это ваша дочь? И она будет жить здесь?

– Да Валя, а куда я ее дену?

– Если она так будет себя вести, то куда хотите, туда и девайте. Или лечите ее или, ну я не знаю...

Лиля придерживала мать, которую перестали слушаться ноги, и боялась поднять глаза. В толпе, сбежавшейся на бесплатный концерт, она видела улыбающуюся Вику. Лучшая подруга к ней даже не подошла. Они с бабушкой обе, опустив глаза, повели Тамару домой, положили ее, не раздевая на диван, где она и уснула.

Бабушка с Лилей, сидели на кухне, молча. Говорить было не о чем, все и так ясно. Как снег на голову, в их дом свалилась беда. Бабушка это знала точно, а Лиля чувствовала сердцем: «так вот как она выглядит – беда». Наконец бабушка сказала:

– Ничего не поделаешь с этим как то надо жить. Живут же другие семьи.

– Я не знаю таких семей – покачала головой Лиля. – Я теперь стану посмешищем в школе.

Она встала и подошла к окну, там еще стояли несколько человек. Одни осуждающе кивали головами, другие смеялись. Громче всех смеялась, кривляясь и подражая Тамаре, лучшая подруга Вика. Видимо она присутствовала на «концерте». Лиля отошла от окна, присела на табуретку и уткнулась в книгу, бабушка пошла в свою комнату, легла на кровать и вскоре уснула.

Не прошло и часа, как Тамара завопилась, закричала, потом встала и потопала в туалет. Выйдя оттуда, даже не помыв руки, она схватила и съела соленый огурец. Лиля подняла на нее глаза и опять уткнулась в книгу. Тамара встала и направилась в бабушкину комнату, там что – то звякнуло, Тамара на цыпочках вошла в кухню, держа в руках литровую бутылку самогона. Она закрыла рот пальцем «на замок», призывая дочь к молчанию. Набулькав себе стакан она приготовилась его выпить.

– Не надо мама, не надо, – шепотом, чтобы не разбудить бабушку прошептала Лиля.

Но мама не слышала, она выпила полстакана, посидела, съела еще один огурец и запела:

– Раскудрявый, клен зеленый, лист резной...

Вышла бабушка, она быстро схватила стакан и попыталась вылить в раковину. Но Тамара, была сильнее, она отобрала стакан у бабушки, ни капли, не расплескав, и залпом выпила остаток. Бабушка увидела стоящую под столом бутылку и попыталась взять ее. Тамара с кошачьей ловкостью схватила драгоценную добычу и выскочила из дому, прихватив пальто и сапоги.

Лиля плакала, уткнувшись в книгу, бабушка сидела бледная и держалась рукой за сердце. Потом она поглядела на часы, встала и сказала:

– Пойду к Петру, пусть подскажет, что с ней делать.

Петр это новый участковый. Молодой мужчина, недавно закончивший школу милиции. Ему не очень нравилась эта должность, он занял ее только потому, что семье нужна квартира. Бабушка ушла, а Лиля продолжала рыдать.

Ничем участковый бабушке не помог. В их городе не было ни наркологического диспансера, где лечили алкоголиков, ни лечебно-профилактического учреждения, где их реабилитировали. В местном отделении милиции, единственном на весь город, не было даже вытрезвителя. Если будет буянить, можно вызвать милицейскую бригаду и упечь на пятнадцать суток, а то, что человек поет, так это не запрещается. До одиннадцати часов шуметь можно. Правда жена участкового Валентина пыталась ему доказать, что поведение Тамары по меньшей мере неуместно, но он опять же доказал, что неуместно и противозаконно – разные вещи.

До поздней ночи не спали бабушка и Лиля, ожидая Тамару, но так и не дождались. Она явилась на следующий день еще более пьяная и страшная. Упала на диван в комнате и уснула, проспав весь день. К ночи она встала и стала слоняться по квартире. Ей нечем было заняться. Лиля опять читала, бабушка вязала, Тамара встала в центре комнаты и сказала:

– Мать, у тебя есть выпить?

Бабушка покачала головой.

– Тогда дай денег, мне плохо, выпить надо!

– Я тебе денег не дам, или бросай пить или уезжай, откуда приехала, – голос бабушки дрожал.

– Жалко да? Родной дочери денег жалко! Я вас одевала, обувала, а тебе теперь мне жалко денег? – Заныла Тамара.

– Тамара, мне не денег жалко, – попыталась найти общий язык с дочерью бабушка, – мне жалко тебя, жалко Лилю, ты позоришь нас перед соседями.

– Вот еще, чего это я позорю! Что позорного-то! Выпила женщина, спела, сплясала, всем весело.

Бабушка поняла, что дочь окончательно деградировала и перестала с ней разговаривать. Тамара опять надела свои обноски и исчезла за порогом. Утром она явилась пьяная и опять упала спать. Где и с кем пила, проснувшись, она вспомнить не могла.

Потянулись дни один ужаснее другого. Тамара методично пила, деградируя как внешне, так и умственно. В школе над Лилей посмеялись лишь первые дни, потом, глядя на ее несчастный вид, уже ни кому из детей не хотелось над ней издеваться. Учителя ее жалели, классная руководитель, как могла, подбадривала. Даже мечта о филологическом факультете отодвинулась на задний план. Все мысли Лили были заняты тем, как справиться с болезнью матери и как поддержать бабушку.

Экзамены Лиля сдала успешно, на выпускной вечер не пошла. Она отдалилась от одноклассников, потеряв интерес к школьной жизни. Лучше всех, ее понимала классная руководительница, но и она не знала, как восстановить взаимоотношения в классе. Лиля не могла простить одноклассникам, насмешки, в адрес матери.

На вручении аттестатов, Галина Павловна поднялась на сцену и попросила слово.

– Сегодня, здесь не присутствует, моя самая способная ученица Лиля Романова. Все мы понимаем, почему она не пришла. Мы были слишком жестоки и равнодушны к ее беде. У нее тяжело больна мать, которая стала предметом насмешек у нас в городе. Я не знаю, как донести до вас то, что дети не отвечают за грехи своих родителей. На ум приходят лишь великие стихи Пушкина, возможно, они вас чему-нибудь научат:

«И долго буду тем полезен я народу,

Что чувства добрые, я лирой пробуждал,

Что в наш жестокий век, восславил я свободу,

И милость к падшим призывал.

Лиля сидела на кухне и читала книгу. С улицы, раздался свист и в открытое окно влетел букет цветов, упав рядом с книгой. Она выглянула вниз. Там стояли ее одноклассники, с плакатом: «Прости нас, Лиля!» Вика, как флагом, размахивала ее аттестатом.

До вступительных, экзаменов в институт, был еще месяц, и Лиля каждый день проводила в читальном зале. Как то днем она сидела там совершенно одна. В зал вошла директор библиотеки Романова Лидия Анатольевна. Высокая красивая женщина, холенная, с надменной улыбкой на лице. Лиля как самый частый посетитель библиотеки хорошо ее знала, но они всегда обменивались лишь приветствиями и ничего не значащими фразами.

Лидия Анатольевна подошла к Лиле, села за стол и мило улыбаясь, спросила:

– Я слышала ты едешь в Н – ск поступать?

– Да я хочу подать документы в педагогический институт, на филологический факультет.

– Я не сомневаюсь, что ты поступишь. И профессию ты выбрала правильно. Н – ск замечательный город, там столько развлечений, по сравнению с нашим Кедровском. Мой сын, Вадим, окончил институт управления и экономики, сейчас работает в городском комитете комсомола. Помнишь его?

Лиля смутно помнила полноватого тихого мальчика, он был на пять или шесть лет старше ее.

– А у вас есть родственники или знакомые в Н – ске? Нет? А кто тебя встретит? Где ты устроишься? В общежитии? У моего знакомого в Н – ске есть квартира, она сейчас пустует. Ты можешь там остановиться. А Вадим тебя встретит и отвезет, у него служебная машина. Когда ты уезжаешь? – Лиля ответила. Лидия Анатольевна записала в изящную книжечку дату ее отъезда и номер телефона соседей, своего у них не было. Еще пощебетав о своем Вадиме, директор удалилась, пообещав позвонить к назначенной дате.

Лиле показалось странным сначала, чрезмерное внимание со стороны со стороны такой важной особы, но здоровый снобизм молодости переборол неприятный осадок от этой встречи. Лиля просидела в библиотеке до закрытия и нехотя пошла домой. Ей безумно жалко было бабушку, но сама она использовала теперь любой предлог, чтобы уйти из дома: «вот почему в пьющих семьях дети всегда беспризорные, как бы плохо не было на улице, дома еще хуже» – думала она.

Дома Лилю встретила бабушка и, показав на комнату, где обычно спала Тамара, помамила ее на кухню, делая знаки, чтобы та вела себя как можно тише.

– Уже двенадцать часов спит, даже не ворочается, – вид у бабушки был довольный.

– Почему? – Тоже шепотом спросила Лиля.

– Я пошла к нашей участковой, терапевту и сказала, что совсем не сплю, бессонница у меня. Она все записала в карточку, так на меня посмотрела и сказала: «я вам выписала сильнодействующие снотворные, больше двух таблеток не принимайте». Я поняла, что она все знает про Тамару, да уже вся округа знает, и она решила мне помочь. Я выкупила в аптеке таблетки, побежала домой, растолкла их и в молоко добавила, которым Тамарка отпаивается. Она как всегда утром откуда – то пришла и перед тем, как завалиться спать, молоко то и выпила. Я ей новую порцию зарядила, в холодильник поставила.

– Я думаю, что эти таблетки, баба, врач выписал тебе. У тебя такой усталый вид, выпей назначенную дозу и тоже поспи.

– А и то верно, пойду, прилягу.

Лиля тоже легла и впервые за эти три месяца спокойно и крепко уснула.

Дни летели, часы бежали, минуты неслись, наступила жара, город опустел. Только на железнодорожном вокзале, было оживленно. Кедровчане семьями уезжали в отпуск. Лиля в ярком красном сарафане, оставив чемодан бабушке, носилась по зданию вокзала, выбегала на улицу, подходила к путям. Она не могла сидеть на месте, энергия была ключом, сердце трепетало, в предчувствии счастья.

– Оно там, там, – громыхали тележки грузчиков.

– Оно там, там, там – стучали колеса вагонов.

– Там, там, там – громыхал репродуктор.

Наконец объявили посадку в поезд. Лилия бежала вперед всех, она перепутала вагон, потом нашелся вагон, но никак не находилось место. Теперь, когда все нашлось, куда-то делась сумка с продуктами. Эта веселая суматоха продолжалась до тех пор, пока провожающих, не попросили, покинуть поезд. Отъезжающие сразу успокоились, устали в окна, выглядывая родных. По репродуктору громко заиграл марш «Прощание славянки» поезд тронулся, Лилия махала бабушке, а та крестила ее, вытирая слезы.

Глава 2. Н – ск. Июль 1985 года

Поезд прибыл в Н – ск, наследующий день в обед. Лилия уже за два часа до остановки, сидела полностью собранная и жадно смотрела в окно. Она впервые в жизни покинула Кедровск и все, что она видела, подъезжая к огромному городу, было для нее в диковину. Так как она много читала, ее воображение очень легко вспоминало описанные другими людьми незнакомые города. Но свои собственные наблюдения и впечатления находили мощный отклик в ее душе, заряжали особенной, возбуждающей энергией большого города.

Выйдя из вагона, Лилия встала на перроне как вкопанная. Она озиралась по сторонам, дергая себя за подол сарафана. Выглядела она видимо очень комично, так как проводницы посмеивались, глядя на нее. Откуда – то сзади появился очень аккуратный молодой человек:

– Вы Лилия? – Он явно сомневался в том, что это она. А вот Лилия сразу узнала Вадима. Ну конечно, где же он вспомнит маленькую, беленькую девочку, вечно сидящую с книгой.

– Да, а Вы Вадим, я вас узнала.

– Он самый, давайте чемодан и идите вон в том направлении.

На площади возле вокзала стояли такси, водители которых, непрерывно сновали вокруг, выглядывая пассажиров. Немного в стороне, скромно притулилась к обочине, серая «шестерка», в ней сидел водитель и очень пристально разглядывал Лилию. Они подошли к этой машине, уложили чемодан в багажник и поехали. Лилия замерла у окна.

Вскоре подъехали к пятиэтажному кирпичному дому, окруженному высоким, ажурным забором. Ворота были закрыты, вышел сторож и открыл их. Машина проехала во внутренний двор, окруженный периметром здания, там они вышли из машины. Двор был пуст. Вадим и Лилия направились к ближайшему подъезду, за ними шел шофер с чемоданом. В аккуратном подъезде их встретил консьерж, невысокий, немолодой с плутоватым взглядом, которым он проводил процессию.

На втором этаже они вошли в квартиру, шофер поставил чемодан и ушел. Лилия осматривалась в огромной прихожей.

– Я буду здесь жить? – неуверенно спросила она у Вадима.

– Да конечно, эта квартира, ведомственная, конкретных хозяев у нее нет, и сейчас она пустует, располагайся, живи. – Вадим натянуто улыбнулся. Он вообще все делал «натянуто», как будто соблюдая чьи-то инструкции, и постоянно боялся ошибиться.

Лилия обошла квартиру. Везде югославская мебель, ташкентские ковры, ванна отделана тоже югославской плиткой. На кухне в навесных шкафах аккуратно расставлена немецкая кухонная утварь и японская посуда. Все это было Лиле очень знакомо: и мебель, и посуда, и ковры, распределялись работникам леспромхоза, и были предметом гордости многих ее одноклассников. Она также вспомнила, давно курсирующие по городу сплетни о непростых отношениях директрисы библиотеки и первого секретаря комитета коммунистической партии их города. Видимо это их любовное гнездышко, но почему она допущена в «святая святых» этих небожителей?

– Располагайся, – опять сказал Вадим, – а мне на работу надо, я тебе как –нибудь позвоню. Хорошо? Ой, совсем забыл, ты же не знаешь города. Завтра к тебе заедет мой водитель и доставит прямо к институту. Он освободится к десяти часам. Будешь готова?

Лилия кивала, мечтая побыстрее остаться одна, чтобы все обдумать. Вадим ушел, а новая хозяйка апартаментов сев в кресло, задумалась. Может ее сводят с Вадимом? Но она ему ни капли не нравится. В этом деле, ни одну, даже самую неопытную девушку, не проведешь. Она им зачем – то нужна, но зачем, она так и не придумала. Распаковала чемодан, развесила вещи. Пошла на кухню, попила чаю, проверила холодильник – там был полный

набор продуктов. Переодевшись в свежий светлый летний костюм, Лиля взяла ключи оставленные Вадимом и, пошла, прогуляться, по новым неизведанным местам.

Вернулась она около восьми вечера. Ее безропотно впустил сторож, и проводил одним глазом консьерж. В квартире было тихо, ничего не изменилось, пока ее не было. Ночь прошла спокойно, утром Лиля стала собираться в приемную комиссию, непонятная тревога, ненадолго отступила. Приехал водитель, громко посигналил под окном, так было принято. Лиля вышла нарядная и свежая, села на заднее сидение. Они выехали из двора, Лиля сидела сзади и украдкой рассматривала водителя. Лет тридцати, мужественное лицо, широкие плечи, белая рубашка. Очень привлекательный внешне мужчина, не проявлял никакого к ней внимания. В Кедровске, если мужчина вез даму куда – либо, он бы не минуты, не молчал. Если женщина села к нему в машину, он уже считал себя кавалером и исполнял полный обряд ухаживания, абсолютно невинный, но так требовали приличия. Она вспомнила, как бабушка всегда говорила: «в каждой избушке, свои погремушки», видимо в Н – ске корректность, граничащая с полным равнодушием к не очень знакомым людям, – это норма поведения.

С трудом открыв тяжелые двери, Лиля вошла в огромный, отделанный мрамором вестибюль, педагогического института. Само здание, сделанное из черного гранита и внутренней отделки, внушали доверие. Чувствовалось, что здесь трепещут перед наукой, и чтут традиции. Лиля свернула направо и пошла по широкому коридору, стены которого были увешаны портретами маститых, и не очень, преподавателей этого учебного заведения. Вот висит портрет бородатого профессора умершего уже сто лет назад. А вот портрет красивой дамы, ее тоже уже нет в живых. Лиля остановилась перед следующим портретом. На нем был изображен, совсем молодой мужчина. Правильные, удлиненные, черты лица и смеющиеся, немного раскосые глаза, выдавали в нем смесь саксонских и азиатских кровей. Внизу дата рождения, ему всего двадцать семь лет и имя: Крафт Александр Арнольдович филолог, профессор кафедры риторики. Девушка не могла отойти от портрета, вглядываясь в лицо молодого профессора. Женат ли он?

– Нет, – сказал кто-то за ее спиной. Она обернулась, перед ней стоял невысокий старичок, в добротном сером костюме, с платочком в нагрудном кармане. Он, улыбаясь, смотрел на Лилю, – нет, он не женат.

– Откуда вы знаете? – выдавила из себя Лиля.

– Откуда я знаю, что он не женат? Я принимал его на работу, он мой сотрудник, – весело ответил старичок.

– Нет, откуда вы знаете, что я, я... – она смутилась и замолчала.

– Откуда я знаю, что вы об этом подумали? Так, все, об этом думают! Сначала видят портрет Михаила Степановича, – он указал на умершего сто лет назад ректора, – проходят мимо, потом видят портрет Подвысоцкой Марии Вячеславовны, проходят мимо, потом видят Сашу и все ступор! Встали, и на лбу написано, все у вас на лбу написано, красавицы, – он засмеялся. Лиля смущенно молчала.

– Куда же вы направляетесь красавица? – продолжал веселиться старичок

– В приемную комиссию.

– А, так вы абитуриентка, пойдемте, я покажу вам приемную комиссию.

Они пошли вдвоем по бесконечному коридору, встречные почтительно здоровались с ее спутником. Наконец они оказались перед дверью с надписью «Приемная комиссия». Старичок открыл двери, втолкнул в комнату Лилю, затем вошел сам. Все присутствующие встали. Старичок кивнул головой и все сели.

– Я привел вам абитуриентку, чем – то она мне понравилась. Возможно своей предсказуемостью. Помогите ей заполнить документы, – обратился он к какой – то женщине, а сам подошел к мужчине и они стали перебирать списки.

– Вот здесь заполните, здесь подпишите, – подсказывала Лиле женщина. Сама она подошла к старичку и что – то тихо ему сказала. У того удивленно поднялись брови:

– Вот как! Уважаемая абитуриентка, так вы оказывается, победитель литературного конкурса! Вдвойне приятное знакомство. Меня зовут Афанасий Иванович, я ректор этого замечательного ВУЗа.

Теперь брови взметнулись вверх у Лили, но она промолчала, улыбаясь. Ректор поцеловал ей руку и удалился легкой, энергичной походкой. Лиля записала все, что нужно для абитуриентов и вышла, наконец, из здания института, свежий воздух ее опьянил еще больше. Пахло цветами, огромные кусты сирени цвели на клумбах, голова кружилась. Лиля пошла по направлению к дому, счастье переполняло ее. Перед глазами стоял портрет молодого профессора, ей казалось, она знает его давно.

– Саша, его зовут Саша, – она засмеялась, закружилась по тротуару. Остановилась, наткнувшись на пожилого мужчину. Он ласково улыбнулся, и покивал головой. Лиля опять засмеялась и побежала к дому. Сторож открыл калитку, Лиле хотелось его расцеловать, сдержав порыв, она вбежала в подъезд. Плутоватый консьерж, выскочил из будки и поцеловал ей руку. Лиля захохотала и побежала к себе на второй этаж. Дома она покружилась по комнате, потом попрыгала перед зеркалом и, упав на кровать, уснула мертвецким сном.

Утром ее разбудил звонок по телефону. Звонила Лидия Анатольевна, директриса библиотеки в Кедровске:

– Лиля здравствуй! Как успехи? Все хорошо? Это здорово когда все идет по плану. Я сейчас в Н – ске, по делам. Вечером буду у тебя, поболтаем?

Лиля откинулась в подушках и задумалась. Лидия ведет себя слишком непосредственно, как подруга. Да, друзьями они некогда не были. Точно у нее какие – то планы в отношении Лили. Может хорошая работа, совместимая с учебой? Было – бы здорово. Потом ее осенила мысль, что нужно что – нибудь приготовить, стол накрыть, все – таки придет ее спонсор, это слово только что вошло в моду. Лиле, было приятно думать, что у нее, есть спонсор.

Буквально за час Лиля перемыла всю квартиру и принялась готовить полуфабрикаты. Порезала салаты, она их видела, только бывая в гостях у одноклассников. Бабушка всем салатам предпочитала окрошку. В коридоре слышался шум и знакомый голос пропел:

– Чем так вкусно пахнет?

В прихожей стояли Лидия Анатольевна и Вадим, вернее уже разувались. Рядом с Вадимом на телефонном столике лежал букет цветов, увидев Лилю, он протянул ей цветы:

– Поздравляю абитуриентку педагогического института, надеюсь, в скором времени буду поздравлять студентку. – Он растерянно улыбнулся.

– Нет, ты как поздравляешь красивую девушку, которая тебе нравится! Да – да нравится, и ты этого не скроешь, – игривым голосом сказала Лидия Анатольевна, – поцелуй девушку, скромняга.

– Она будет возражать, – глядя из подлобья на Лилю, ответил Вадим.

– Запомни, девушка всегда возражает, а ты ее не слушай, целуй! – Сказала Лидия, в приказном порядке. Вадим коснулся губами Лилиной щеки и отпрянул.

– Вот теперь здорово, я рада за вас молодежь! – Она смеялась и хлопала в ладоши, при этом глаза у нее были совершенно серьезные. Лиля не понимала эту женщину, зато хорошо теперь понимала, кто инструктирует Вадима.

Прошли в комнату, где Лиля уже накрыла стол.

– Осталось только порезать хлеб и вскипятить чай, – сказала Лиля.

– Чай рано пить, давайте начнем с аперитива, Вадим посмотри, что там у нас есть, – говорила Лидия Алексеевна, присаживаясь за стол.

Вадим открыл шкаф в «стенке» и стал одну за другой доставать бутылки. Лидия внимательно читала этикетки.

– Так, я буду водку с ромом. А ты Лиля?

– Спасибо я не пью.

– Чисто символически рюмочку выпей!

– Нет, я же сказала, что не пью, мне нельзя, вы же знаете что у меня отягощенная наследственность.

При этих словах Вадим заинтересованно посмотрел на нее:

– Какая у тебя наследственность?

– У меня мать алкоголичка.

Вадим перевел взгляд с Лили на мать, та накладывала в тарелку салаты.

– Да ладно, вам, садитесь за стол, не хочешь не пей. А мы выпьем, у нас с наследственностью все в порядке, правда, Вадим? – Лидия подставила свою рюмку, и Вадим наполнил ее водкой, сверху добавил ром. Такой же коктейль он сделала себе. Мать с сыном чокнулись, выпили, знаком показав Лиле, что пьют за нее, принялись за еду.

Разговор не клеился. Тогда Лидия Алексеевна стала рассказывать о своей работе. Она действительно была знающим руководителем. Потом они пили чай, всем троим было скучно. Наконец гости распрощались и ушли. Лиля перемыла посуду и, взяв учебник по обществознанию, углубилась в его изучение.

Несколько дней, перед экзаменами, пролетели незаметно. На вступительные экзамены, Лиля шла как на праздник. Ей были не понятны, трясущиеся от ужаса девчушки, которые никак не решались переступить порог экзаменационной комнаты. Она, зашла туда, одной из первых, и блестяще ответила по билету. Результаты экзамена, будут оглашены только завтра, делать было нечего и Лиля, пошла, гулять по институту. На третьем этаже она наткнулась на вывеску «Кафедра риторики», заглянув туда, увидела небольшой вестибюль и множество дверей. В вестибюле стоял стол, за ним у печатной машинки сидела девушка. А рядом стоял он... Саша, Александр Арнольдович, молодой профессор. Высокий, худощавый, широкоплечий. Удлиненные светлые волосы, зачесаны назад. Глаза скрыты за толстой роговой оправой. Он диктовал, текст. Миловидная, синеглазая брюнетка, быстро печатала на машинке. Она подняла глаза на минуту, взглянула на Лилю и продолжала печатать, а он даже не повернул головы, увлеченно что – то вычеркивая в тексте.

Сердце Лили застучало так сильно, что она, схватившись за грудь, повернулась и быстро побежала подальше от этого места. Она выбежала на улицу, сердце продолжало колотиться и она села на скамейку под кустом сирени. Что с ней такое? Никогда еще она не испытывала ничего подобного. Почему так тревожно, и в тоже время радостно? Почему так хочется вернуться туда, и не хочется, одновременно? Почему она уже ненавидит миловидную машинистку, хотя знать ее не знает? Отсидевшись в тени под кустом, Лиля побрела домой. Каждый шаг, отдалявший ее от здания института, давался с трудом. Ночью она не спала, ворочаясь с боку на бок, мечтала, как Саша с ней заговорит. А может, они где – нибудь встретятся, и он к ней подойдет познакомиться. Или столкнутся на лестнице.... Или.... Воображение рисовало картины одна другой невероятнее. Утром она, тщательно одевшись, причесавшись, понеслась в институт. Теперь, ноги ее, было не остановить, они бежали, обгоняя прохожих. В институте, возле стенда с результатами экзаменов, толпились студенты и родители. Некоторые улыбались, другие выглядели мрачнее тучи, некоторые плакали. Лиля нашла свою фамилию, напротив которой было написано «отлично» и, попрыгав от радости, выбралась из толпы. Ноги сами понесли ее на третий этаж. Кафедра риторики была закрыта.

Вечером должны были вывесить списки зачисленных в институт абитуриентов. Лиля слонялась по городу, заходила в магазины, сверкавшие пустыми прилавками, бродила

по скверам, сидела на скамейках. Время тянулось так медленно, что казалось вечер, никогда не наступит. Уже в пять часов Лиля была в институте, опять ноги ее понесли на третий этаж, заветная дверь была закрыта. Она спустилась вниз, где уже собрались абитуриенты с родителями.

Списки вывесили ровно в шесть часов. Она сразу нашла свое имя и в колонке «результат», прочитала: зачислена на филологический факультет. На миг она забыла о Саше, душа ее пела, она испытала ни с чем несравнимый восторг, какое же это подлинное счастье, когда сбываются наши мечты! Но уже через несколько минут она опять чувствовала себя несчастной: она не видела сегодня Сашу! Когда теперь они встретятся?

Лиля зашла на центральный телеграф и отправила бабушке телеграмму, потом пошла домой. Плутуватый консьерж, встречал ее в дверях, он опять поцеловал руку и дернул головой подмигивая:

– У вас там гости! Вернее те, у кого вы в гостях. Пришли в гости. Ох, что – то я запутался!

Лиля поняла, кто пришел. Настроение сразу упало. Ее встретила Лидия Анатольевна, как всегда счастливо и приветливо улыбающаяся:

– Ну как? Поступила?

Лиля кивнула.

– Замечательно! А почему такая грустная? Устала? Я так и знала. Мы с Вадимом тебе приготовили сью – ю – рпри – и – з, проходи!

Лиля прошла в комнату, там был накрыт стол, она огляделась в поисках сюрприза, но так его и не нашла. Вадим, сидевший в кресле уставившись в телевизор, сюрприз не напояминал. Вбежала Лидия Анатольевна, с горстью столовых приборов в руках. Она их перетирала чистым полотенцем.

– А где сюрприз, – капризным голосом спросила Лиля. Ей все это было противно и хотелось побыть одной.

– Как где? Вот он! – Лидия указала на стол. – Ты посмотри, я все заказала в ресторане. Ты посмотри, какие блюда! Вот ассорти из языков, вот курочка фаршированная грибами, икра, белорыбца! А на горячее: мясо на гриле! Потом будет торт, он в холодильнике. Вадим все привез, устал бедненький, пока все это перетаскал. А стол я накрываю, вот тебе и сюрприз! – Она стала раскладывать приборы.

Лиля с тоской смотрела на стол: чтобы все это съесть нужно столько времени. Они пробудут здесь долго, и ей предстоит скучный вечер в скучной компании Лидии, Вадима, и жирной еды.

По команде матери, Вадим полез в бар. Оттуда опять были извлечены, любимые напитки: водка и ром. Лиле было предложено шампанское, от которого, она отказалась. Сели за стол, Лидия Анатольевна взяла слово:

– Дорогая Лиля, я от всей души, от всего сердца желаю, чтобы ты была счастлива. Поздравляю тебя с поступлением в институт и хочу пожелать, чтобы ты не разочаровалась в профессии. К сожалению, так бывает часто. По крайней мере, из тех с кем я училась, половина не работают по специальности и даже не занимаются тем, чему учились. Я закончила музееведческое отделение Ленинградского университета, смею напомнить. Так вот мужчин у нас было на курсе мало. Из тех, кто окончили университет, все работают в отраслях, далеких от музееведения. А женщины, их было большинство, в общей массе вышли замуж, стали домохозяйками и счастливы. Для женщины очень важно личное счастье. Карьера конечно тоже не плохо, но так порой не хватает, сильного плеча рядом, так не хватает, что часто думаешь, а зачем вообще все это.... – Лидия Анатольевна, говорила уже, имея в виду себя, и лицо у нее стало жесткое и несчастное. – Подумай Лиля, в первую очередь о том, чтобы

создать семью, родить детей, карьера, если сложится – хорошо, не сложится – еще лучше. – Она выпила до дна довольно большую рюмку, следом за ней выпил и Вадим.

Лиля, молча пила сок, мучительно думая, чтобы сказать? На подсознательном уровне, она поняла, что Лидия мечтает женить сына. И выбор ее пал на Лилю. Господи, ну почему на нее? Судя по всему, Вадим к Лиле абсолютно равнодушен, он увалень в личной жизни, всю страсть он отдает карьере. Но он сопровождает мать, другой бы плюнул и нашел другую девчонку, попроще, нет, этот следует маминым советам. Может он просто очень скромный и стеснительный? Лиля украдкой посмотрела на Вадима. Он высокий, плотный, всегда хорошо одетый, обычно в деловой костюм. Лицо, правда, какое – то невыразительное, взгляду не на чем остановиться. В общем если его рассматривать как жениха, то он конечно хорошая партия. Лиле уже есть восемнадцать лет, она пошла в школу с восьми лет, выйти замуж за Вадима? Сердце ее заныло, а как оно стучало тогда, когда, она впервые увидела Сашу! Молчание за столом затянулось и Лиля, взяв в руки бокал с соком, сказала:

– Я с большим уважением отношусь к вам Лидия Анатольевна. Я привыкла к вам за столько лет посещения библиотеки. Ваш совет, создать семью, для меня очень важен и ценен, я не знаю, почему у вас нет мужа, но чувствую, что вы страдаете. Семья это действительно то, о чем каждая женщина мечтает. Но далеко не каждая имеет. Я тоже мечтаю создать семью. Но семью, основанную на любви, взаимной любви. Вы так не считаете? У вас была в жизни любовь?

Лидия Анатольевна, сначала покраснела, потом, как то сникла:

– Любовь? Конечно, была. Но она не помогла мне, создать союз, с тем мужчиной, увы, получился только ребенок. – Она посмотрела на Вадима, тот хмыкнул.

– Но она у вас была! Я тоже хочу испытать любовь! Возможно, она закончится тоже ребенком и одиночеством, пусть! У меня, зато, будет любимая работа, или любимое занятие и ребенок будет от любимого человека! Я сейчас больше всего на свете хочу любить! – Лиля не заметила, как высказала все свои заветные мечты. Она увидела злобное лицо Лидии, у которой ускользала добыча.

– Кого ты хочешь любить?

– Ну не Вадима, по крайней мере!

Две женщины сидели друг напротив друга, как две кошки на одном подоконнике. Каждая защищала свою нереальную территорию: Лидия – мечту женить сына, а Лиля – любить и быть любимой. Вадим сидел, опустив глаза, как будто это его не касалось.

– Вадим, что ты сидишь как олух, скажи что – нибудь! Ведь тебе нравится Лиля, ты сам мне говорил! Удели ты девушке достаточно внимания, ей восемнадцать лет, она хочет любить! Вы из одного города, закончили одну школу, у вас столько общего! Почему бы вам не быть вместе? Вадим тебе пора создавать семью, даже исходя из карьерных соображений, а девочка, которой хочется любви, может найти ее и таких дел наворочать, что потом не до учебы будет! – Голос у Лидии приобрел жесткие ноты.

Вадим выпил полную рюмку водки с ромом и открыл рот, чтобы что – то сказать, но потом опять его закрыл, встал, снял пиджак, вытер платком вспотевшее лицо и тогда только начал говорить:

– Вы дамы между собой разговариваете, я вообще тут лишний. Мне надо на работе быть, совещание, я уже просидел, тут с вами, а мои, сейчас, на шинный завод поехали, там нужно комсомольскую организацию реорганизовывать. Совсем, сволочи, не работают. Я им вчера звонил, говорю, где протокол последнего собрания, а мне их секретарь говорит, мы, что собрания каждый месяц проводить должны? А работать когда мы будем? А я говорю, ты, когда тебя выбирали что думал? Твое дело провести собрание, обсудить вопросы. Любое выступление должно идти по конкретной тематике! Нести в себе предложение, не превращаться в «мысли вообще». Любая критика должна распространяться на действия или реше-

ния, нельзя переходить на личности, выяснение личных отношений. Не надо превращать обсуждение в принудилровку – если человек не высказал свое мнение, не заставляйте. Подойдите к нему после собрания и предложите высказаться в личной беседе – часто люди просто стесняются. Точно также не надо поочередно вызывать каждого «к доске», пусть люди говорят тогда и так, как им удобно. Отступление от этих правил ведет к разрушению коллектива, возникновению обид, неприязни, зажиму мнения.

Лиля, еле сдерживала смех, а Лидия Анатольевна злость. Вадим, как ни в чем не бывало, надел пиджак и сел за стол, опять уставившись в тарелку.

– Ну, давайте, что ли еще выпьем, – Лидия постучала своей рюмкой по столу. Вадим встрепенулся, налил матери и себе любимый коктейль и они выпили, Лиля пила сок.

Вскоре гости покинули Лилю, на прощание Лидия Анатольевна сказала:

– Ты можешь жить здесь, сколько захочешь, не делай испуганное лицо, никто тебя не принуждает, но и не гонит. Пожалуйста, только не наделай ошибок, за которые приходится расплачиваться всю жизнь. Извини за банальность.

Незаметно пролетел месяц, Лидия с Вадимом больше не появлялись. От бабушки пришло письмо, в котором, она восторгалась и гордилась внучкой. У Тamarы случился инсульт, и теперь она лежала дома, парализованная. Ни то, что петь и плясать, она говорить и ходить не могла. Бабушка за ней ухаживала, и в письме чувствовалось, что ухаживать за больной Тamarой, легче, чем, за здоровой.

Лиля еще несколько раз заходила на кафедру риторики, но Сашу больше не видела. После того как она в третий раз нарвалась на синеглазую секретаршу, ей уже неудобно стало там появляться.

Глава 3. Н – ск. сентябрь – декабрь 1985 года

Первого сентября начались занятия. Лиля в первый же день перезнакомилась со всей своей группой и ее единогласно выбрали старостой. Первый студенческий день пролетел незаметно, возвращаясь, домой она увидела возле подъезда знакомую серую «шестерку». Сидевший за рулем шофер зыркнул в ее сторону и не ответил на приветствие. Лиля зашла в квартиру. Там Вадим выгружал из сумок продукты. Лидия Анатольевна сидела на кресле и разбирала какие – то тряпки.

– Привет дорогая, – Лидия поцеловала Лилю в макушку. – Посмотри, какие милые кофточки я сегодня получила в распределителе. Конечно не самые лучшие, их уже расхватали «законные», но тоже очень даже ничего. Вот эта малая мне будет, забирай. Эта тоже тебе, а юбка нравится? У нас с тобой бедра примерно одинаковые. Правда, Вадим?

– Что? – Тот появился из кухни с куском колбасы в руках.

– Фу Вадим, что за плебейские замашки, борюсь, борюсь... Ты что, кушать хочешь? Я кстати тоже. Давайте – ка быстренько сообразим. Лиля ты тоже из института только пришла. Давайте перекусим старой, дружной компанией. Я сейчас порежу колбасу и сыр, а ты Лиля режь помидоры. Посмотри, какие красавцы, это наша бабушка в нашей теплице выращивает. Огурчики вот соленые. Маслята маленькие, как любит Вадим. – Лидия вошла в раж, расхваливая собственную продукцию. Когда стол был накрыт, старая дружная компания расселась по привычным для всех местам. Из бара извлекли недопитые в прошлый раз, бутылки. Разлили, по тем же самым рюмкам, водку с ромом. Лидия Анатольевна, встала и произнесла, держа рюмку в руках:

– Дорогая Лиля, мы с моим сыном уже месяц тебя не беспокоили. Мы подумали, что тебе нужно разобраться в своих чувствах, немного остыть и принять как можно более разумное решение. Разум и чувства лежат на одних весах и должны быть уравновешены. Одной любовью сыт не будешь, и детей любовью не прокормишь. Избранник должен быть человеком занятым таким трудом, который всегда, в любом обществе приносит доход, и существенный доход – это власть. Если твой избранник, а в будущем муж, будет руководителем, ты и твои, извини ваши дети, будете всегда обеспечены. Я хочу, Лиля выпить за то, чтобы твой разум и твои чувства, были в полной гармонии. – Она хлопнула рюмку, Вадим, следом за ней, выпил свою.

– Лидия Анатольевна, а что думает по этому поводу Вадим? – Язвительно спросила Лиля.

– Вадим, что ты думаешь? – Лидия уставилась на сына.

– О чем? – Тот недоуменно переводил глаза с одной женщины на другую.

– О любви, о семье, о чувствах между мужчиной и женщиной, – подсказала Лиля.

Вадим встал, снял пиджак. Аккуратно повесил на спинку стула и сказал:

– На заре появления комсомола, комсомольские ячейки видели свою задачу в раскрепощении молодежи, развале старого мещанского быта и уничтожении православных оков нравственности времен «проклятого царизма». Комсомольцы всегда пропагандировали свободную любовь. Таинство отношений между мужчиной и женщиной отвергается, романтика и девственность отвергаются как страшное наследие темного мира. Отношения полов рассматриваются ныне, лишь в контексте партийно – комсомольской целесообразности. Какие чувства могут быть между мужчиной и женщиной, если ими руководит инстинкт спаривания? А девушки должны добровольно доставлять сексуальное наслаждение комсомольцам, на то они и девушки – это здоровая сексуальная мораль. Как же комсомольцам удовлетворять естественные надобности? Девушки должны идти навстречу просьбе товарищей комсомольцев: снять их сексуальное напряжение. Тех комсомолок, которые отказываются всту-

пить в половые отношения, считают мелкобуржуазными ретроградками, которые не могут освободиться от устаревших предрассудков. Не только к воздержанию, но и к материнству надо относиться как к буржуазной идеологии. Дети должны воспитываться в яслях. В целях достижения полной свободы и скорейшей победы коммунизма, необходимо избавиться от всех условностей старого мира: любви, семьи, дома. Для этого следует полностью обнажить человеческое тело в живописи, на сцене и в кино. Стыдливость – это искажение всего нормального и здорового. Любви нет, а есть лишь голое размножение, физическое явление природы. – Он надел пиджак и сел.

Женщины ошарашено молчали. Потом Лидия налила себе рюмку водки и залпом выпила, забыв добавить рому. На ее лице явно читалось: «боже, какого монстра я вырастила». Затем, поместив на лицо, обычную чарующую улыбку, она ласково сказала:

– А что мы не кушаем? Кого ждем? – И первой приступила к трапезе.

Все были, настолько заняты каждый своими мыслями, что обстановка была, по – семейному, теплой. Лиля вскипятила чайник и приготовила чай, подав его на стол на красивом серебряном блюде. Лидия протяжно вздохнула:

– Как хорошо, как будто я свекровь, а вы мои дети. Не хватает только маленького. – Она смахнула платочком слезу. «И, правда. Только этого не хватает», – подумала про себя Лиля.

Напившись, чаю, семья Романовых покинула квартиру. Лиля, перебив посуду, улеглась на диван с книгой. Она читала и мечтала о Саше. Последнее время мечты о нем, были самым лучшим развлечением.

Потянулись дни, наполненные новыми впечатлениями и новыми знаниями. Лиля взяла в осаду институтскую библиотеку: читала сидя в читальном зале, читала дома. Она запретила себе подниматься на третий этаж. Но при первой же необходимости неслась туда. Пробегала как бы мимо, кося взгляд на дверь: вдруг она открыта? Иногда она видела миловидную секретаршу, упоенно печатающую на машинке, а вот Сашу не видела ни разу.

Старенькая библиотекарьша, выдававшая книги, была очень болтливой. В Лиле она нашла благодарного слушателя, часами та, слушала сплетни о сотрудниках института. Но, так как она никого, еще толком не знала, ей было не очень – то интересно. Однажды Лиля осмелилась и спросила у нее, почему не видно Александра Арнольдовича, профессора риторики.

Бабулька хитро усмехнулась, что мол, понравился? И рассказала о профессоре все, что знала. Он из очень известной научной семьи. С рождения ему вбивали в голову всякие науки. Он говорит на четырех иностранных языках, в четырнадцать лет он окончил среднюю школу и поступил в этот институт. В двадцать лет его закончил, защитил кандидатскую степень, а потом докторскую. Потом ему присвоили звание профессора, когда очень пожилой заведующий кафедрой риторики уйдет на пенсию, Александр Арнольдович займет его место. Он не женат, представляешь, какой лакомый кусок для профессорских дочек? Все с ума, по нему, сходят. Особенно эта Машка Соколовская, отец профессор истории, мать доцент, на кафедре иностранных языков. Она не дура эта Машка, с отличием окончила институт, родители планировали, что она сразу в аспирантуру по лингвистике пойдет. Не тут – то было, она секретаршей на кафедру риторики устроилась, прежняя то, в декрет ушла. Родители в шоке, требуют, брось, мол, работу. Зачем тебе деньги? Поступай, мол, в аспирантуру, мы тебя озолотим. А та, ни в какую, зачем ей аспирантура? Когда ей молодой профессор нужен. Уж она и так и эдак, а Александр Арнольдович всегда со всеми корректный, а с ней особенно. Мария Семеновна, мол, да Мария Семеновна. В общем, она год уже там сидит, и ничего не получается. Вот она как сторожевая собака с утра до вечера его и караулит. «Сама не ам, но и другим не дам!». А сам Александр Арнольдович на стажировке сейчас во Франции, скоро приедет.

Лиля слушала рассказ о Саше как песню. Она так себе и представляла его жизнь. Известная научная семья, талантливый ребенок, научная работа, стажировка во Франции.

Нет, она определенно сошла с ума, как говорит бабушка: «есть, да не про вашу честь». Разве может Лиля заинтересовать такого человека? Ну, о чем они будут говорить?

Студенческая жизнь дала Лиле, новую пищу для размышлений. Как любой много читающий человек, она была человеком, думающим и хорошо анализирующим окружающий мир. Большинство студентов в их группе, жили в общежитии и только двое из них выглядели сытыми и хорошо одетыми. Остальные одиннадцать человек, приходили на занятия голодными. Они с такой жадностью смотрели на Лилины бутерброды, что та начала делить их на кусочки, которые исчезали со стола за несколько минут. Вскоре, те, у которых с питанием было все нормально, стали подкармливать голодных. Все понимали, что в магазинах купить продукты невозможно из-за их отсутствия, а на рынке, где еда была в изобилии, из-за огромных цен на них. По телевизору каждый день передавали новости о новых уголовных делах, заведенных на расхитителей социалистической собственности. Но количество этих хищений росло быстрее, чем количество наказаний. На прилавках со скоростью ветра исчезали самые необходимые товары. Многие студенты одевались все хуже и хуже, продавая одежду, чтобы купить на рынке еду. Особенно это стало заметно, когда началась зима. У большинства однокурсников, не оказалось зимней одежды. Они бегали в институт в свитерах и кофточках. Большинство из них стали часто болеть, но денег на лекарства не было. Лилия не испытывала дефицита не в деньгах, не в вещах. Бабушка исправно высылала половину своей пенсии, а Лидия Анатольевна дарила ей одежду и затаривала холодильник едой.

Александр Арнольдович в октябре вернулся из Франции и вскоре, уехал в отпуск в Чехословакию, там жили его бабушка и дедушка. Всю информацию о нем Лилия узнавала от пожилой библиотечарши. Вернется он только в ноябре, когда начинаются занятия по риторике, у старших курсов.

Глядя на голодных и раздетых однокурсников, а также преподавателей, чье материальное положение с каждым днем ухудшалось, она стала чаще задумываться над словами Лидии: «любовью сыт не будешь, и детей любовью не накормишь»

В 1985 году начались громкие судебные процессы, над нарушителями социалистической законности, в Узбекистане. Это была «показательная порка». После апрельского пленума ЦК КПСС, были сняты со своих должностей десять, секретарей обкомов. Из составов партийных кабинетов было выведено около 300 человек.

Об этом Лиле рассказала Лидия. Она страшно боялась за судьбу своего любовника, первого секретаря Кедровска, так как от него полностью зависела.

Горбачев решительно продолжил курс Андропова на искоренение преступлений в экономике. В конце 1985 года более двухсот тысяч человек были осуждены за хищения государственного и общественного имущества, спекуляцию, обман покупателей и заказчиков, самогоноварение с целью сбыта. Но это была скорее инерция андроповского «похода» против коррупционеров и расхитителей, нежели четкая линия Горбачева.

Последующие события показали, что союзное руководство начало утрачивать контроль, не только за союзными республиками, но и за процессами, происходящими в РСФСР. Наглядно это проявилось в масштабной криминализации страны

С продуктами и товарами народного потребления в стране становилось все хуже. Зато у Лили в холодильнике стали появляться совсем уж экзотические продукты, такие как лобстеры, устрицы, мраморная говядина и какие-то заморские окорока. Лидия, загадочно молчала, разделявая перед очередным «дружеским ужином», ставшим уже почти «семейным», заграничные деликатесы. Дело было перед Новым годом, который она решила «проводить с детьми», так как на сам Новый год, уезжала с любовником на Канарские острова. Это было в те времена, так ново и необычно, что Лидия и сама не верила в реальность происходящего.

В баре появились напитки, о которых, они раньше знали, только по зарубежным фильмам: мартини, ликер «Амаретто», и многие другие. Лидия, которая раньше не злоупотреб-

ляла алкоголем, и знала свою норму, в виде двух, максимум трех рюмок водки с ромом, на это раз пила все подряд. Вадим от нее не отставал. Лиля как всегда ограничилась соком. В конце вечера мать с сыном, как говориться «нарезались». Лидия ходить не могла, и Лиля ее уложила на кровать. Всегда сдержанная в словах, Лидия стала патологически болтливой и рассказала, что ее любовник, первый секретарь, теперь якшается с новой силой: «кооператорами». Они делают бизнес с иностранцами, а ему платят за все, что может оптимизировать их бизнес, в долларах. Небольшой ручеек этих самых долларов, вначале; превратился уже в реку, с таким широким руслом, что первый секретарь задумал, купить домик на Канарских островах, вот и едет туда, присмотреть подходящую недвижимость. Берет собой Лидию, заметь, не жену, а Лидию, это очень хороший знак. Может он, наконец, оценит ее многолетнюю преданность, а она в свою очередь постарается там, на Канарах, доставить ему по настоящему, райское блаженство. А там глядишь, он бросит свою матрешку и женится на Лидии, это ее мечта и цель, которой подчинены все средства.

Лидия уснула, а Лиля долго не спала. В гостиной на диване ворочался Вадим. Эти люди уже стали частью ее жизни. Своей жизни без них, она не представляла. Как, она поселится в общежитии? Будет, как все ходить голодная и заглядывать в рот тем, кто сыт? Продаст свои наряды, чтобы купить мяса и хоть раз наестся вдоволь? Нет, это невозможно. Чтобы сытая жизнь продолжалась, надо выйти замуж за Вадима. Но она никогда не полюбит его, потому что любит Сашу, а Вадим никогда не полюбит ее, потому, что помешан на комсомольской работе. Разве бывают браки без любви? Конечно, достаточно вспомнить Анну Каренину. Она вышла за старого, но богатого Каренина, не по любви, а по расчету. Брак закончился трагически. Если Лиля выйдет за Вадима, а потом Саша полюбит ее и захочет быть с ней, она сможет уйти от Вадима? Да, она уйдет, во что бы то ни стало. Саша хоть и с профессорским званием, но он простой преподаватель в институте. Лиля уже поняла, что положение преподавателей, становится, все более бедственным. Сможет ли она жить с Сашей в бедности? Да сможет, хоть в бедности, хоть в старости, хоть в болезни. Вот уже несколько месяцев, о чем бы она ни думала, все мысли возвращались к Саше. Нет, она завтра же, зайдет на кафедру риторики, под каким ни будь предлогом и попытается с ним познакомиться. С этой мыслью она и уснула.

На следующий день за Вадимом приехала машина, все сели в нее и поехали по своим делам. Лидию высадили на вокзале, она уезжала в Кедровск. Как всегда Лиля, ее снабдила, подробным письмом к бабушке. Лилю высадили возле института. Вадим с водителем поехали дальше.

День выдался суматошный, шла зачетная неделя. Лиля как староста, весь день составляла списки и расписания консультаций. Но ее по – прежнему, не оставляла мысль о том, что надо попытаться познакомиться с Сашей. Уже в шестом часу вечера, она поднялась на третий этаж, дверь, ведущая в общий коридор, была закрыта. Но Лиля уже обратила внимание, что ее часто закрывают сотрудники, а сами работают допоздна. Она взяла на вахте ключ и сделала с него дубликат. Подойдет ли? Она вставила ключ в замочную скважину, повернула, и дверь бесшумно открылась. Коридор был погружен во тьму, лишь дверь кафедры риторики была приоткрыта, и оттуда падал свет. Лиля крадучись подошла к двери, и услышала, какие то – странные звуки. То – ли стонал, кто то, то – ли плакал, она заглянула в приоткрытую дверь, боясь дышать. Но бояться ей было нечего, ее все равно бы, никто не заметил. Боком к ней стоял Саша, высокий, крепкий, светловолосый, он обнимал синеглазую секретаршу Машу, сидевшую на столе, губы их слились в жарком поцелуе, его руки гладили ее гибкую спину. Машины изящные ножки, были слегка раздвинуты, и она своими маленькими ручками ласкала что – то огромное и твердое, что упиралось ей в живот, оба стонали.

Не помня себя, Лиля выбежала из коридора, оставив, двери открытыми. Она схватила в гардеробе шубку и выбежала на улицу. Рыдания душили ее, прибежав домой, открыв

двери, она бросилась на кровать и дала волю слезам. Задыхаясь, судорожно сжимая руками подушку, она плакала навзрыд.

– Что такое, что случилось? – Возле кровати стояла Лидия, держась за сердце. Но Лиля не могла говорить, она только мотала головой.

– Лиля, милая, скажи что случилось, я сейчас сойду с ума! Где ты была? Там все живы?

Лиля, на минуту оторвавшись, от подушки, только кивнула головой. Лидия села с ней рядом и обняв ее, прижала к себе

– Ну, скажи мне, скажи как матери, даже если что – то очень страшное произошло, только не молчи, скажи и тебе станет легче.

– Он меня ни когда не полюбит, вернее он не меня любит!

– Ах, вот в чем дело! Ну, то, что не полюбит, это кто его знает! В жизни всякое бывает! А вот то, что сейчас не любит, это хорошо. Тебе просто надо выйти замуж. Когда у тебя будет, муж, ребенок, тихое, семейное счастье, так тебе и не нужен будет этот прохвост. Женщине совсем немного надо: крепкое мужское плечо рядом, достаток в доме и здоровые ребятишки. Зачем тебе всякие потрясения? Выходи замуж за Вадима, он может не такой красавец, как тот кобель, но он простой и надежный...

Лидия все говорила и говорила в том же духе, Лиля, вытирая слезы, кивала в такт ее словам. Когда слезы совсем высохли, Лидия отвела Лилю в прихожую. Раздела, потом помогла умыться, привела на кухню, усадила и стала суетиться, заваривая чай. При этом она все время нахваливала Вадима. Он серьезный, ответственный, а какой он внимательный и любящий сын. Встреть она в молодости похожего мужчину, она бы непременно вышла за него замуж. А ей все попадались кобели и прохвосты. А Вадим скоро вступит в коммунистическую партию и «один человек», поможет ему устроиться в Комитете коммунистической партии города Н – ска, ну, а дальше за него, можно не беспокоиться. Он свое дело знает.

– Давай милая, как я вернусь из поездки, свадьбу и сыграем! – запросто предложила она, разливая чай.

Лиля привычно уже кивала головой. Ей было все равно, замуж так замуж. Долго пили чай. Лидия, оказывается, перепутала время отправления поезда и опоздала. Теперь поедет завтра. До конца января они не увидятся. Как только она приедет, начнут готовиться к свадьбе, чтобы в конце февраля провести торжество. Заявления в ЗАГС нужно подать заранее, то есть завтра. Сейчас она вызовет такси. Поедет домой, Вадима подготовит, все организует, а утром они ей позвонят. Вскоре приехало такси и Лидия, одевшись и подкрасившись, вприпрыжку выбежала из квартиры. Лиля, качаясь, пошла в спальню и, упав на кровать, закрыла глаза, сна не было. Перед глазами стояла все та же картина: Саша, целует Машу, а та чересчур интимно его ласкает. Что это инстинкт спаривания или любовь? Способен ли Вадим на такое? Наверное, похожий инстинкт, ей подсказывал, что нет. Потом она все – таки уснула, забыв завести будильник.

Утром Лиля проснулась, от того, что кто – то тряс ее за плечо. Открыв глаза, она увидела Лидию.

– Вставай, Лиля, вставай, сейчас поедем в ЗАГС, в институт ты все равно уже проспала. Одевайся, я сейчас приготовлю чай. Вадим, ты, где иди сюда.

В дверях появился Вадим, с букетом цветов. Он поглядел на мать, та одобрительно кивала, подошел к кровати, где сидела, растрепанная и полуодетая Лиля, протянул ей букет и сказал:

– Пожалуйста, будь моей женой.

Лидия, зашмыгала носом, и достала платок, Лиля взяла цветы, не зная, что с ними делать. Наверное, нужно что – то ему сказать? Что говорят, в таких ситуациях, она не знала и просто кивнула головой. У Лидии побежали слезы, она кинулась обнимать Лилю, потом

Вадима, потом убежала умыться. Вадим, как ни в чем не бывало, включил телевизор и уселся смотреть утренние новости.

Следом за Лидией, привела себя в порядок Лиля. Она понежилась в ванной, тщательно подкрасилась, оделась, никто ее не торопил, понимая важность момента. Вскоре они ехали по направлению к ЗАГСу, куда брачующиеся, подавали заявление, за два месяца вперед.

– Во сколько у вас поезд? – спросила Лиля будущую свекровь, итак зная, что поезд в Кедровск, уже ушел. Лидия махнула рукой, мол, это не важно. Лиля поняла, что та, пока не доведет дело до победного конца, никуда не уедет. Когда Лиля с Вадимом писали заявления, Лидия маячила возле них, опасаясь, что какое –нибудь непредвиденное обстоятельство, что – либо нарушит. После того как заявления были приняты к рассмотрению и назначен срок будущей свадьбы: двадцать шестое февраля, она наконец успокоилась, это было видно по ее умиротворенному лицу.

Оказавшись в институте, Лиля, пошла в библиотеку. До конца очередной ленты, оставалось полчаса, и она сидела в читальном зале, уставившись в одну точку.

Подошла старенькая библиотечкаша, села напротив.

– Что – то на тебе сегодня лица нет, дорогая?

– Я замуж выхожу, через два месяца.

– Ты любишь его?

– Не знаю.

– А он тебя?

– Тоже.

– Ну, дай бог, стерпится, слюбится.

При этих словах, Лиле стало тошно.

– Говорят, молодой профессор, сделал предложение Машке Соколовской. Высидела все – таки свое. – Бабулька, смотрела на Лилю своими выпцветшими глазками, и качала головой на тоненькой шейке. Лилю перестал интересовать окружающий мир, она ушла в себя как улитка в раковину. Так она просидела несколько часов, очнувшись, взглянула на циферблат, они показывали, десять часов.

– Утро или вечер? – Лиля посмотрела по сторонам.

Читальный зал был пуст, только маленькая, бабулька, сидела за соседним столом с книгой.

– Иди домой милая, пока автобусы ходят.

– А Вы, почему не идете домой?

– Нет у меня ни дома, ни детей нет, ни внуков. Живу я при институте, торопиться мне не куда.

Лиля вышла из института и побрела по зимним улицам к себе. Падал крупный рыхлый снег, город был уже украшен гирляндами и новогодними елками. Было так красиво и тихо, что сердце вдруг заныло от одиночества. Почему с нею рядом нет Вадима? Где он ее жених? Она вошла в подъезд, консьерж смотрел телевизор. Знаком он показал, что никто не приходил. Лиля вошла в пустую квартиру, уселась на стул возле телефонного аппарата. Может он хотя бы звонил? Но ее не было дома. Может, волнуется? С этими обнадеживающими мыслями, она пошла спать.

Глава 4. Н – ск. февраль 1986 года

Два месяца пролетели незаметно. Приготовление свадьбы полностью взяла на себя Лидия. Лилия на отлично сдала сессию, съездила на каникулы к бабушке и в начале февраля вернулась в Н – ск. Вадим с Лидией встретили ее на вокзале. Они ехали по заснеженному городу, с тем же молчаливым шофером Вячеславом. Лидия болтала о своих планах связанных с будущим молодоженов. Оказывается, Вадим живет пока в общежитии, но как только он женится, ему выделяют квартиру. Это она уже точно знает. Если Лилия представит справку, от гинеколога о беременности, не менее шестнадцати недель, им дадут двухкомнатную. В противном случае им светит только однокомнатная квартира. Платье для невесты нужно заказать завтра, есть хорошая портниха, но она боится не успеть.

Лилия, сидя на заднем сидении, рядом с Лидией, смотрела на коротко стриженный затылок, своего жениха. Затылок был спокоен и неуязвим. Мама знает что делает, мама всегда права, говорил затылок. Не надо страдать, стоять под окнами, ждать и надеяться, ничего этого не надо. Невесту ведут как овцу на закланье, на коротком поводке. Никуда она уже не денется. «Никуда, никуда, никуда» – пульсировало у Лили в правом виске.

Их высадили у древнего деревянного дома, где жила портниха. Лидия познакомила Лилию с молодой женщиной, которая бралась сшить ей свадебное платье. Завтра Лилия придет и закажет, а сегодня они придумают фасон и выберут материал.

Поехали дальше, в квартиру, где жила Лилия. Во дворе машина остановилась, Вадим вышел и открыл заднюю дверь. Сначала он помог выйти матери, потом Лиле. Рука его на мгновение сжала руку невесты, но тут же отпустила. Лилия растерянно стояла и смотрела на Вадима, ожидая хоть какой – то еще знак внимания. Но он отвернулся, опять сел на переднее сидение и машина тронулась.

В квартире царил беспорядок. На диване валялись рулоны с тканями. Лидия объяснила, что их привезли с базы, по распоряжению директора этой самой базы. Ну а кто запустил весь этот механизм, итак понятно. Но Лиле не было понятно. Кто? Вадим? Нет не Вадим. Любовник Лидии, первый секретарь, он не знает, как ей угодить, вот и старается. Лидия переворачивала ткань, трогала, щупала, Лиле оставалось только сделать выбор. Но Лилия была холодна. Ее не интересовало ничего, в голове болталась одна лишь фраза из популярной песни: «нелюбимая, нелюбимая, кто ей это говорил?».

Лилия не отвечала на призывы Лидии, принять участие в выборе ткани. Лидия, наконец, успокоилась, и спросила:

– В чем дело, тебе не интересно?

– Лидия Анатольевна, почему я сижу здесь, в вашем обществе и рассматриваю то, что прислал вам, вернее то, что прислал мне, ваш любовник? Где ваш сын? Мой жених? Он боится оставаться со мной! Он меня избегает! Стоит мне задуматься, как я не понимаю: зачем? Зачем я выхожу замуж, за человека, который меня не любит и даже дружбы со мной водить не хочет?

– Что ты такое говоришь? Как это не любит? Он мне говорил, что ты ему очень нравишься!

– Но мне, мне то – он ничего не говорил! Он вообще со мной не разговаривает!

– Но он такой человек! Неразговорчивый. Он, в его возрасте, занимает ответственную должность, это накладывает на человека, определенный отпечаток. Все эти разговоры, сопли и слюни, нужны женщине. Ты пойми, мужчине нужен, только секс. Вадим поступает честно, он не говорит ничего лишнего, но это не значит, что он ничего не чувствует. Он хочет тебя, хочет, чтобы ты была его женой.

– Я сожалею, что у меня нет подруги, с которой я могла бы посоветоваться, обсудить свои сомнения. Вы Лидия Анатольевна, как бы хорошо ко мне не относились, все же заинтересованная сторона. Я имею в виду, заинтересованная, чтобы наш брак состоялся.

– Я думаю, наоборот. Хорошо, что у тебя не такой подруги. По меньшей мере, глупо, верить свою судьбу и свое будущее, какой то – там подруге. Я, конечно, заинтересована в вашем браке, я люблю тебя как дочь, лучшей жены для Вадима, я не представляю. Перестань сомневаться, поверь в то, что все будет хорошо, так оно и будет.

Свадьба состоялась, как и было запланировано. Лилия настаивала, на скромном торжестве, в каком ни будь небольшом кафе. Но Лидия организовала самый лучший ресторан в городе. Стол ломился от закусок, даже голодные однокурсники невесты, не могли справиться с этим изобилием. Как только блюда с закусками пустели, официанты несли новые. Жених с невестой были прекрасной парой. Он высокий, серьезный, молчаливый. Восемнадцатилетняя невеста, была правда немного грустна, но это предавало ей особенную прелесть. Так всегда на Руси было: девушки плакали, расставаясь с девичеством. Когда кричали: «Горько!», молодые сконфуженно вставали и неумело целовались. Это опять заслужило одобрение у немолодых родственников. Невеста скромна и невинна, жених достойный и неизбалованный.

Свадьба продолжала веселиться, когда молодые покинули ресторан. На «Волге», украшенной розами и куклами, машину выделили Вадиму на работе, усталые молодожены приехали в квартиру, где жила Лилия. Здесь пройдет их первая брачная ночь. Свадебного путешествия не будет, так как у Лилии занятия в институте, а у Вадима работа.

Лилия вышла из машины, путаясь в платье и запахивая шубку. Холодный февральский ветер, пронизывал тело. Ее охватила дрожь, то ли от холода, то ли от предстоящего события. Вадим аккуратно вытащил огромную сумку, с подарками и охапку цветов.

Из подъезда выбежал консьерж, взял у Вадима сумку, помог им подняться на этаж, рассыпался в поздравлениях и исчез, получив в подарок бутылку водки.

Молодые впервые оказались дома одни. Лилия села, кутаясь в шубу, на кресло, она никак не могла унять дрожь. Вадим возился на кухне. Потом он пошел в ванную, Лилия слышала, как он там переодевается и умывается. Он вышел, одетый в махровый халат, подарок Лидии, держа в руках свой костюм, который аккуратно повесил в шкаф. Там же он разместил на плечиках рубашку и галстук. Постоял, потом повернулся к Лилие:

– Может, переоденешься?

Лилия кивнула и все еще дрожа пошла в спальню. Хотелось принять горячую ванну, но сил не было. Все они ушли на борьбу с холодом, который пронизывал ее насквозь. Дрожащими руками она сняла платье, и белье, теперь уже и зубы стучали, надела кружевную рубашку, тоже подарок Лидии и нырнула под одеяло. Прошло минут пять, и в спальню зашел Вадим, он снял халат и лег рядом. Лилию буквально трясло.

– Что с тобой? – спросил Вадим

– Не знаю, мне холодно.

– Давай согрею.

Дальше все произошло так, как в анекдоте, который Лилия когда то прочитала. На нее сверху упал шкаф, из шкафа выпал ключик. Ключик повозился, где то внизу ее живота и сломался пополам. Шкаф лег рядом и захрапел. Лилия лежала на спине, уставившись в потолок. Дрожь прошла, пустота заполнила душу.

На следующее утро, молодоженов ждали в кафе, где были организованы сразу завтрак и обед, поскромнее, чем вчерашний ужин в ресторане. Съехались многочисленные родственники со стороны жениха, с Лилиной стороны вообще никого не было. Бабушка не смогла приехать, так как не с кем оставить Тамару.

Утром молодые вежливо пожелали друг, другу доброго утра, встретившись за чашкой кофе. За столом Вадим читал газету, Лиля пила кофе и молчала. Потом они стали собираться. Вадим опять ушел в ванную с вещами, и вскоре вышел умытый побритый и одетый. Лиля одевалась в спальне, ей было сшито специальное платье невесты для второго дня, абрикосового цвета, с радостными брызгами цвета шампанского. Материал был очень необычный, а фасон очень простой: вырез лодочка, талия подчеркнута, длина ниже колена. Лиле оно очень нравилось, она мечтала, как его наденет, но сейчас, не хотелось на него даже смотреть.

Отыскав скромное серое платье, она прикинула его к себе, стоя перед зеркалом. Дверь открылась, заглянул Вадим, он видимо хотел ее поторопить, но увидев полуголую жену, испуганно закрыл дверь. Лиля швырнула серое платье и села на кровать: «Нет, что – то я делаю не так. Конечно, у меня совсем нет опыта, интимного общения с мужчинами, то есть, как это нет? Теперь уже есть. Или нет?» – она совсем запуталась. Подняла серое платье, одела его и вышла к Вадиму. Тот нетерпеливо ходил по комнате, поглядывая на часы. Лилю он оглядел с ног до головы и сказал:

– А где форма, то есть платье, которое сшили?

– Я не хочу его одевать.

– Но мама будет недовольна.

– Я не могу во всем угодить маме.

– Пожалуйста, надень то платье, которое приготовлено.

– Не хочу!

– Я убедительно прошу тебя не нарушать этикет и явиться на мероприятие в том, в чем положено. – Весь вид его говорил о том, что он взвинчен. Что – то пошло, не по плану, и с его стороны требуется восстановить запланированный ход событий, и он это сделает, во что бы то ни стало.

Лиля поняла что, бороться с Вадимом бесполезно, он настоящий чиновник, живущий по солдафонскому принципу: «делай сам то, что приказано, и обеспечь, чтобы другие делали, то же самое». Она переоделась, и они вышли на улицу, у дверей стояла черная «Волга», уже без цветов и кукол. Сели в машину и с большим опозданием прибыли в кафе.

Родственники уже сидели за столом, выпивали и закусывали. Лидия бросилась к детям целоваться, в руках у нее был бокал. Она подняла его и произнесла тост:

«Молодым хотела пожелать я:

В радости, разлуке или горе

Вечно помнить, первое объятие

Забывая, о последней ссоре».

Она залпом выпила шампанское и, поставив бокал на стол, пустилась в пляс.

Остальные родственники громко хлопали в ладони. Вадим и Лиля пробрались на свои места, где им тут же налили шампанского. Вадим чуть – чуть пригубил, а Лиля выпила свой бокал до дна. Ей вдруг стало необыкновенно хорошо. Люди казались такими милыми, а Лидия так вообще душка. Встала одна из теток Вадима, и трепетно произнесла, сдерживая слезы:

«Желаем счастья, радости сполна,

Чтоб вам завидовала вся округа,

И чтоб хмелели вы не только от вина,

А от того, что любите друг друга!»

Лиля захохотала, она смеялась так заразительно, что будь все трезвы – это вызвало бы недоумение, но компания была уже неспособна адекватно воспринимать происходящее. Поэтому, на Лилин смех, сразу отозвался «мужичок с ноготок», заоравший басом: «давайте же уьемся в дым, чтоб было счастье молодым!», и следом: «новобрачные, снижайте уровень брака в вашей семье!» Мужик стал танцевать впрысдку, вокруг Лидии.

Лиля пила шампанское и смеялась, Вадим сидел набычившись. Гости, плясали на эстраде, им было весело. Свидетели, парень с девушкой, коллеги жениха, сидели натянуто улыбаясь. Вадим был их начальником, и они боялись сделать что –нибудь не так. К ним подбежал «мужичок с ноготок» и привязался с вопросом:

– Почему жених такой сердитый а? Уже не сбежишь, все – е поздно! Вчера надо было! А то может еще не поздно? А? Ха – ха – ха! Если жених сбежит, тут нам свидетель и пригодится!

Лиля хохотала, как ненормальная. Вадим позеленел.

Подвыпивший тамада, продолжал выполнять свои обязанности, вновь зазвучал тост:

– Любите друг друга, жиистоко..., жиистоко...

Кто – то из гостей крикнул:

– Семен, тебе хватит!

– А я говорю, любите друг друга, жисть – токо – токо начинается...

Лиля опять выпила бокал, от смеха выступили слезы. Лидия целовала Лилю и шептала:

– Не обращай внимания, Вадим не сердится, он важничает. Ой, смотри, сейчас будет говорить тост муж моей сестры, он археолог, такой дурак! У них пятеро детей... – Многодетный муж уже давно стоял с бокалом и стучал по нему ножом, наконец, тамада дал ему слово:

– Эскаваторщица Маша рыла котлован и откопала гробницу египетского фараона. Крышка саркофага сдвинулась, и, Маша, увидела молодого красивого принца. Он был как живой. Маша не выдержала и поцеловала принца. И совершилось чудо! Принц ожил! – Как отблагодарить тебя Маша? – спросил молодой фараон. – Хочешь, я исполню семь любых твоих желаний? – Не надо мне семь желаний, – сказала Маша, – лучше одно желание, но семь раз. Фараон согласился, но на пятом заходе скончался. Так выпьем же за эскаваторщицу Машу, что не дала возродиться рабовладельческому строю!

Все дружно выпили, пухленькая женщина в платье в поперечную полоску, которое делало ее похожей на тигренка, закричала:

– Я пью, зато чтобы желания женщины, всегда совпадали с возможностями ее мужчины!

Лиля уже не могла смеяться, она тихо повизгивала, прикладываясь к фужеру. Вадим, взял ее за руку:

– Пойдем отсюда, как ты можешь, вместе с ними, смеяться над этой пошлостью?

– А я что, должна за ними конспектировать? – уже пьяненьким голосом, спросила Лидия.

Вадим, потащил ее к выходу, она чуть не упала и, вырвавшись, села на небольшой диван, голова закружилась, она услышала как Лидия, говорит Вадиму:

– Куда ты ее тащишь, ей плохо, принесите воды!

– Как это куда тащит? В койку конечно! – Сказал кто – то. – Наслушался ваших постулатов и потащил. Жених молодец! Ишь, какой самец!

– Воды, воды невесте, – опять потребовала Лидия, но видимо ее никто не слышал, и она сказала, что сама идет за водой. В это время Лиля очнулась, она медленно открыла глаза и увидела перед собой тамаду, он, качаясь, протягивал ей бутылку водки. Лиля покачала головой, но тамада одними губами, прошептал: «там, вода», – и подмигнул ей. Лиля взяла бутылку, сняла крышку и стала пить. Подошла Лидия с кружкой, и, увидев, как невестка из горлышка пьет водку, заголосила:

– Ты что делаешь, Лиля? Ты же не пьешь вообще!!! У тебя отягощенная наследственность!!!

– Надоели вы мне хуже горькой редьки! Вот сейчас, наконец – то расслаблюсь, и покажу вам, наследственность! – Лиля опрокинула бутылку и выпила содержимое до дна.

– Вадим, Вадим, вези ее домой, она напилась, – визжала Лидия.

Откуда – то вынырнул Вадим, подхватил Лилию на руки и утащил в машину. Лилия не сопротивлялась. В машине она уснула, и спала до самого дома. Там уже она вышла из машины сама. В прихожей прямо на пол скинула шубу и упала на диван, стоявший в зале. Спала она без сновидений.

Проснулась Лилия, уже утром следующего дня, было воскресенье. Она лежала одетая на диване, в кухне кто – то гремел посудой, пахло кофе. Она встала, пошла на кухню, там Вадим мыл посуду. На столе стояла сковорода с яичницей, на плите кофеварка с остатками кофе.

– Лилия, ты завтракай, ну и займись чем – нибудь. А я по воскресеньям всегда хожу с друзьями в спортивный клуб, а потом мы идем в баню. Иногда я прихожу поздно, иногда не очень, в общем как получится. Ты если что, меня не жди, ложись спать.

Лилия с любопытством смотрела на мужа. За все их знакомство, это была самая длинная фраза, которую он ей лично, сказал. Оказывается, по воскресеньям, она тоже его видеть не будет, как и остальные шесть дней недели, которые он работает допоздна. Да, веселенькая семейная жизнь ее ждет. Лилия, молча, налила уже остывший кофе, и занялась яичницей. За окном посигналила машина, в прихожей хлопнула дверь. Лилия осталась одна в квартире. Она доела завтрак, убралась на кухне и села читать.

За книгой она провела весь день. Ела то, что было в холодильнике: холодное вареное мясо, соленья, черный хлеб. Мелькнула мысль, что надо бы приготовить ужин, но не хотелось отрываться от чтения, и она перестала об этом думать. Прошел день, наступил вечер, сон сморил ее, и она уснула на том же диване, что и вчера. Сквозь сон, она слышала, как пришел Вадим, он недолго походил по квартире и улегся в спальне.

Утром молодожены встретились за утренним чаем. Вадим сидел так, чтобы виден был включенный в зале телевизор и увлеченно смотрел утренние новости. Лилия пила чай с печеньем, одновременно подкрашивая ресницы. После завтрака, молодые быстро собрались, так как за окном уже сигналила машина. Лилию высадили около института, Вадим поехал дальше.

Лилия прошла в аудиторию, где собрались уже все студенты их группы. Все с любопытством поглядывали на новоиспеченную супругу, но спрашивать ничего не стали. Лилия мысленно их за это поблагодарила, если кто – нибудь, что – нибудь сказал бы, в ее адрес, или спросил о семейной жизни, она бы разрыдалась. Ей было жалко себя, жалко, что ничего уже нельзя вернуть. После занятий она пошла в читальный зал, там сегодня было многолюдно. За одним из столов она увидела синеглазую Машу, с ней рядом сидела томная, худая девушка в очках. Маша, листала какой – то журнал, и тихо перешептывалась с подружкой. Даже издали, было видно, какое у Маши счастливое лицо. Иногда, она тихо смеялась, а потом опять листала журнал, продолжая улыбаться. У Лилии комок стоял в горле. Вот как выглядит девушка, которая любит, которая любима и выходит замуж по любви. Никогда ничего подобного у Лилии не будет, она шмыгнула носом, глаза заволокла пелена. Уткнувшись в книгу, Лилия до самого вечера просидела в читальном зале.

Домой она добралась затемно, дома никого не было. Попив чаю, Лилия легла спать на супружеское ложе. Вадим пришел, когда она уже крепко спала, и лег рядом.

Утром все повторилось, как и вчера. Дни потянулись один похожий на другой. Супружеский долг Вадим исполнял, раз в неделю по субботам. Все происходило так же как в первую брачную ночь, без вариантов. Через месяц Лилию стало тошнить по утрам. Она знала, что так бывает при беременности, но по ее собственным соображениям, она еще девственность то, не потеряла. Но ее организм продолжал изменяться, физиологические признаки беременности становились все более явными. Участковый гинеколог подтвердила ее сомнения, она беременна и ее поставили на учет.

Когда за утренним чаем, на следующий день Лиля сказала об это Вадиму, тот хмыкнул и ничего не ответил. Но, через несколько дней из Кедровска, приехала Лидия. Вот кто, был по – настоящему счастлив. Она тормошила Лилю, целовала ее и вслух мечтала о малыше. Лилия написала бабушке письмо, где сообщила о своем положении и передала его с Лидией. Та вскоре ответила. Бабушка писала, что приезжал отец. Он оставил денег на лекарства Тамаре и взял адрес и телефон Лили. Он едет через Н – ск и обязательно заедет к Лиле. Но судя по тому, когда написано письмо, Лилия поняла, что он, уже к ней не заедет. А как Лиле хотелось его увидеть, познакомиться с Вадимом, ей хотелось поделиться с отцом, как с единственным близким человеком своими тревогами и переживаниями. Но значит опять не судьба им встретиться. Хотя она сама уже давно ему не писала. С тех пор как приехала брошенная мать, Лилия затаила на отца обиду. Теперь все обиды улетучились, она написала ему очень теплое письмо и стала ждать ответа.

Глава 5. Н – ск. июль – декабрь 1986 года

Наступило лето, закончилась сессия, Лилия написала в деканат заявление, на предоставление академического отпуска по беременности. За результатом ей сказали подойти через неделю. Жарким июльским днем, она пришла в институт, в холле, толкались абитуриенты. Еще год назад, она была такой же счастливой неоперившейся птичкой. Разве могла она подумать, что за год произойдет столько событий, ни одно из которых, не сделало ее счастливее. Но вернуть время вспять, Лилия уже не хотела, она ждала ребенка и надеялась, что маленькое существо принесет в ее жизнь такую желанную и такую недостижимую любовь.

Возле деканата она увидела молодую пару, они, держась за руки, стояли кого – то ожидая. Это были Александр Арнольдович и его жена Маша. О том, что они женаты, говорили обручальные кольца, и аккуратный Машин животик, выпирающий из джинсов. Лилия оставалась как вкопанная, ее как будто электрическим током ударило. Молча, она смотрела на них. Саша, недоуменно улыбаясь, оглядел ее и посмотрел на жену. Маша хитро и двусмысленно подмигнула Лиле, мол, ну, чья взяла? Лилия не сомневалась, что та, запомнила молоденькую первокурсницу, слишком часто, посещающую без повода, кафедру риторики. Лилия вошла в кабинет декана, забрала подписанное заявление и пошла за другими документами.

Дома она дала волю слезам, проплакав весь день, только вечером она почувствовала облегчение. Пришел Вадим, поел, и лег на диван, в зале. С тех пор как подтвердилась Лилина беременность, он спал там, а Лилия в спальне. Супружеские отношения прекратились, как сказал Вадим: «чтобы не повредить у тебя там, что – нибудь или кого – ни будь». Лилия, уже разбирающаяся в женской и мужской физиологии, только усмехнулась его самоуверенности.

Их отношения нельзя было назвать плохими. Они не ссорились, они даже голос друг на друга не повышали. Утром оба вставали рано и вместе толклись на кухне, как два пенсионера прожившие вместе лет сорок. Вадим любил крепкий и несладкий кофе, готовить которое он жене не доверял. Зато Лиле удавались яичница с овощами и овсяная каша. Каждое утро она готовила либо то, либо другое. Потом Вадим садился за стол так, чтобы был виден телевизор, стоящий в гостиной и уставившись в экран, неторопливо поглощал пищу. Особенно он любил футбол: интересный матч, мог смотреть всю ночь. Лилия сидела за другим концом стола и читала книгу. Потом Вадим собирался на работу, а Лилия мыла посуду. Все повторялось изо дня в день, так можно было прожить вечность.

Лидия Анатольевна стала приезжать реже и всегда в плохом настроении. Ее годы уходили, она старела и держать в узде такую крупную фигуру как Ян Янович, уже не могла. Тот ускользал из ее приторных объятий к молодым шустрым девицам, которые пронюхав где деньги лежат, буквально наводнили городской комитет партии. Несмотря на многолетнюю мощь и славу эта организация трещала по швам. Во первых от того, что швы сгнили, а во вторых, от лезших во все щели новых сотрудников, желающих примазаться в трудные времена к этому «ноеву ковчегу». В их сердцах жила твердая вера, что он выплывет.

В очередной свой визит Лидия Анатольевна заметила неладное в отношениях молодых. Было воскресенье, Вадим сидел дома в обнимку с телевизором, там шел футбол. Женщины на кухне пили чай.

– Он, что на тебя совсем внимания не обращает? – спросила свекровь невестку.

– Ну как вам сказать. Он со мной обращается как с сестрой, которую знает всю жизнь.

– Может это из – за беременности? Хотя у тебя еще ничего не видно. Я точно тебе могу сказать: в этот период отношения с мужем не противопоказаны.

– Это вы ему скажите.

– Ну, я не могу. Ты как нибудь издаleка, деликатно это сделай.

– Как я сделаю? Он смотрит только в телевизор.

– Он не то смотрит. Есть эротические каналы, там такое показывают! Мужчинам это очень нравится. Обычно по четвертому каналу, наши местные компании крутят очень откровенные картины, после одиннадцати вечера, когда дети уже спят. Мой Ян Яныч, уж стар, а ни одного показа не пропускает. Сегодня будет кстати фильм, совместное производство Россия – Италия. Ты Вадиму скажи, мол, давай вместе посмотрим.

– Ну, я попробую, – неуверенно сказала Лиля.

После того как свекровь ушла, она опять сидела на кухне и читала. Трансляция футбольного матча закончилась. До начала вечерних новостей оставалось минут десять. Вадим зашел на кухню и поставил греть кофе. Лиля поерзала на стуле и сказала, самой себе противным, голосом:

– Вадим, сегодня по четвертому каналу эротику показывают Россия – Италия, в одиннадцать часов. Может быть вместе, посмотрим?

– Полуфинал что – ли? – Вадим мешал кофе, не поворачиваясь к ней.

Пришло письмо от отца, приехавшего с гастролей. Он теперь работает хореографом, но также много ездит. Они с женой ждут ребенка, все у него хорошо. Письмо, на Лилин взгляд, было суховатое, но она сразу села отвечать, надеясь разбудить в отце чувства и дожидаться от него нового письма, пока он не уехал из Москвы.

Настало время показаться гинекологу. Увидев Лилю, та как то странно на нее посмотрела.

– Проходи, давай карточку. Я тебя запомнила, ложись на кресло.

Надев перчатки врач, подошла к Лиле и, взяв инструмент начала делать какие – то манипуляции. Лиле было очень больно и неприятно, но она терпела, врача продолжала греметь инструментами. Наконец она отошла и села за стол.

– Слезай. Послушай, в прошлый раз мне показалось, что я ошиблась. Но сейчас, когда я должна тебя осмотреть более, как бы это сказать, м – м – м углубленно, вот! Я вижу, что у тебя, при наличии шестнадцати недельной беременности, девственность сохранена. У тебя с мужем был полноценный половой акт?

Лиля, с ужасом глядя на врача, сначала кивнула, а потом помотала головой.

– Ну, ясно, что ничего с тобой неясно. В общем, в обменной карте я пишу «virgo сохранена». Такие случаи описаны в медицине, но я, за двадцать лет практики встречаюсь с таким случаем, впервые. Не переживай, перед родами сделают рассечение и короче, закрой рот. Что ты сидишь с открытым ртом? Забирай свои документы, придешь после того как сдашь все анализы.

Беременность протекала нормально. Лиля много спала, читала, гуляла. Муж со свекровью надо отдать им должное, создали для нее тепличные условия.

Роды начались немного раньше предполагаемого срока, в декабре. Ночью Лиля, чувствуя себя плохо, стала будить Вадима. Но он спал мертвецким сном, так как вечером, отмечал чей – то день рождения. Наконец, растолкав его, она поделилась своими опасениями.

– Кажется, начинаются роды, Вадим, вызови скорую помощь.

– Что ты чувствуешь?

– Ничего, просто плохо и тревожно.

– Это так и должно быть, – сказал он сонным голосом и опять уснул.

Лиля легла рядом, глядя через окно на ночное небо. Облачности не было, и прямо над окном висела полная Луна, от нее мягкий синий свет, широким пучком падал прямо на Лилю. Она почувствовала, как этот свет проникает сквозь кожу и пронизывает ее насквозь. Резко заныл живот, но она не могла пошевелиться, как замороженная, глядя на Луну. Боль все нарастала, Лиля вцепилась в руку Вадима, и по мере нарастания боли все сильнее ее сжи-

мала. Муж подскочил в кровати и, увидев перекошенное лицо жены, все понял, бросившись к телефону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.